

Я тебѣ прилагаю записку къ сестрѣ, возьми у нея 25 р. и выкупи одни часы, а выкупивъ отдай ихъ ей, другіе же пересрочь. Клянися всѣмъ знакомымъ въ ноги. Я всѣхъ люблю. Ей Богу. Лантевича *) попроси, чтобы приписнулъ. Кавова его горячка. Походь научиться всему. Я какъ каторжный: люди спятъ, а я изъ одного мѣста въ другое. Покоя ни на часъ. — Дай кофею напитокся.

Что у васъ въ Питерѣ? на парнасѣ и въ департаментѣ**). Напиши мнѣ десть кругомъ. Пусть всѣ пишутъ, я читать стану. Чѣмъ глупѣе, тѣмъ лучше. Прощай.

Можешь письмо сіе показать сестрѣ Александрѣ. Сходи къ ней.

2.

Рига. 19 Марта. 1807 г.

Я получилъ, любезный Николай, твое письмо, и порадовался душевно о томъ, что ты меня не позабылъ и любишь какъ прежде. Ты знаешь, что я чудакъ и не люблю въ глаза льстить, но теперь разлука даетъ мнѣ право сказать тебѣ, что одинъ у меня другъ и истина сія запечатлѣна въ моемъ сердцѣ на вѣки. Доказательство тому, что я тебя люблю, какъ брата, есть то, что къ тебѣ пишу, одолѣвъ, и самую гнѣнь и болѣзнь. Я въ Ригѣ остался за болѣзнію на нѣсколько дней, хотя уже полкъ и очень впереди. Но теперь легче и поѣду завтра на курьерскихъ догонять дружину. Пиши ко мнѣ, а письма отсылай къ сестрѣ Александрѣ чрезъ купца Ивана Алексѣева. Одно утѣшеніе говорить съ тобою, хотя на бумагѣ. Да пиши не на листѣ, а на трехъ; не въ одинъ присѣсть, а въ многіе. Всякое слово для меня дорого въ разлукѣ. Вы петербургскіе баловни и не чувствуете цѣны писемъ. Закопчили въ грязи. Я теперь въ Ригѣ, царствѣ табака и чудаковъ, — нѣмецъ иначе называть и не можно. Если меня любишь, то выполни мою просьбу. Принеси на жертву какую-нибудь трагедію Шиллеру. Я нѣмецъ болѣе еще возненавидѣлъ: ни души, ни ума у этихъ тварей нѣтъ. Но Богъ съ ними! Поговоримъ лучше о другомъ. Мнѣ очень нравится военное ремесло. Что будетъ впередъ, Богъ вѣсть. Брани меня а я штатскую службу ненавижу, чернила надоѣли; а стихи все люблю, хотя они меня не любятъ, и вопреки тебѣ буду у тебя просить стиховъ. — Поклонись Мепенату-Капнисту***). Да скажи ему, что я не только Тасса съ собой не взялъ, но даже нѣтъ ни одного полу-

*) Сослуживецъ Батюшкова по департаменту просвѣщенія.

***) Глядячи тогда служилъ младш. помощн. столоначальника въ департ. просвѣщенія.

***) Вас. Вас. Капнистъ, авторъ «Ябеды».

стишія. А сраженіе опишу вѣрно жѣрой отпа-Тредьяковскаго, и прямо буду безсмертенъ.

Вообрази себѣ меня ѣдущаго на рыжакѣ по чистымъ полямъ и я счастливѣе всѣхъ, всѣхъ королей, ибо дорогою читаю Тасса или что подобное. Случалось, что раскричишься и съ словомъ

О доблесть дивная, о подвиги геройски!

прямо на божѣ и съ лошади долой. Но это не бѣда! лучше упасть съ буцефала, нежели падать подобно Боброву — съ пегаса.

Вотъ тебѣ стихи:

По-чести мудрово въ саняхъ или верхомъ,
 Когда кричатъ: «маршъ, маршъ, слушай», кругомъ,
 Писать къ тебѣ мой другъ посланья....
 Нѣтъ! музы, убоясь со мной свиданья,
 Честенько въ Петербургъ иль Богъ знаетъ куда
     Извоили сокрыться.
     А мнѣ безъ нихъ бѣда!
 Кто волкомъ быть привыкъ, тому не разучиться
     По волчьи и ходить и лаять завсегда.
 Частенько погрузясь въ священну думу,
     Не слыша барабановъ шуму
 И крику рѣзкаго осанистыхъ стрѣлковъ,
 Я крылья придаю моей ужасной клячѣ
 И прямо на Парнасъ!—Или иначе,
     Не говоря красивыхъ словъ,
 Очутится предъ мной печальная картина:
 Гдѣ вѣтръ со всѣхъ сторонъ въ разбиты окна дуетъ
 И гдѣ любовницу нахмурился коть цѣлуешь,
     Тамъ финна бѣднаго сума
     Съ усталыхъ плечъ валится;
     Несчастный къ уголку садится,
     И слезы утеревъ раздраннѣмъ рукавомъ,
     Догладиваетъ хлѣбъ мякинной и голодной....
     Несчастный сынъ стравы холодной!
 Онъ съ голодомъ, войной и русскими знакомъ!

Вотъ тебѣ стихи!

Государь только откушалъ въ Ригѣ и поѣхалъ далѣе. Здѣшняя уморительная нѣмецкая гвардія встрѣчала его верхомъ. Я этого не видалъ, но видѣлъ сихъ героевъ. Они занимаютъ гаубтвахты по всему городу. Карикатуры—какихъ и Брейткопфъ самъ *) нарисовать не можетъ. Я, увидя ихъ, чуть не умеръ со смѣху. Одѣты очень богато и важничаютъ уроды!

Поклонись отъ меня Караулову и попроси, чтобъ писалъ. Лаптевичъ, если не умеръ отъ недуговъ, то вѣрно также что нибудь намараетъ. Скажи этимъ с..., что я ихъ люблю, хотя они ни м. ч. не стоятъ оба.

*) Вр. одинъ изъ столоначальниковъ въ департаментѣ просвѣщенія.

Что ты дѣлаешь на исакиевской площади. Да миръ ниспустится на твою сѣнь. Да съ миромъ пребудутъ твои лары и пенаты и всѣ домашніе боги, и вся утварь, отъ Гомера до у—ка. Да томная твоя Мальвина*), подобно облаку утреннему, ежечасно кропитъ помость храма твоего чистѣйшею рососою (т. е....) и да ты самъ, бардъ именитый, шѣши чай спокойно съ твоей подругою и обо мнѣ странникѣ мысляю въ часы вечерней священной меланхоліи печально веселитесь и проч.

Постарайся самъ увидѣть сестрицъ и попросить, чтобъ чаще ко мнѣ писали. Да и ты меня не забывай. Что твой Гомеръ?—Что Кюстровъ?—Что греческій языкъ?—Напиши мнѣ объ этомъ.

Также играютъ ли Донскаго? Что противная партія? Что Озеровъ? Что Капнистъ? Это знать очень интересно.

Мы идемъ, какъ говорятъ, прямо спѣша на французовъ. Дай Богъ поскорѣе. Хоть походъ и веселъ, но тяжелъ, особливо въ моей должпости. Какъ собака на всѣ стороны рвусь.

Пожалуста не забывай меня и люби, какъ друга. Ни время, ни разстояніе, ни разлука не загладятъ въ душѣ моей чувства дружбы, которое буду къ тебѣ питать. Можетъ быть нашелъ или найдешь людей, которые будутъ краснѣе говорить, но вѣрно не найдешь никого, кто бы такъ любилъ тебя, какъ я. Прощай.

Клянйся своей подругѣ и всѣмъ знакомымъ. Теперь спать хочется. Ужиналъ мало: 10 янцъ, да курпцу скушать изволилъ.

3.

Рига. 1807. Іюнь.

Любезный другъ! Я живъ. Какимъ образомъ, Богу извѣстно. Ранень тяжело въ ногу навилетъ пулею въ верхнюю часть ляшки и въ задъ. Рана глубиною въ 2 четверти, но не опасна, ибо кость, какъ говорятъ, не тронута, а какъ?—опять не знаю. Я въ Ригѣ. Что могъ вытерпѣть дорогою, лежа на телегѣ, того и понять не могу. Нашъ баталіонъ сильно потергѣлъ. Всѣ офицеры ранены, одинъ убитъ. Стрѣлки были удивительно храбры, даже до остервененія. Кто бы могъ это думать? Но Богъ съ ними и съ войной. Что ты ко мнѣ не пишешь, забылъ братъ меня совсѣмъ, а я тебя всегда любилъ; ни время, ни труды, ни биваки тебя не изгладили изъ моей памяти. Пиши, Николай, только не огорчай меня дурными извѣстіями. У меня, какъ у модной дамы, нервы стали раздражительны. Крови какъ изъ быка вышло.—Послѣ трудовъ, голоду, ужасной боли (и притомъ ни гроша де-

*) Собака Гвѣдича.

негъ) прїѣзжаю я въ Ригу и чтожъ! Меня принимаютъ въ прекрасныхъ покояхъ, кормятъ, поятъ изъ прекрасныхъ рукъ, я на розахъ! Благодарность не велитъ писать. Довольно, я счастливъ и не желаю Питера. Говорятъ мнѣ эскулапы, что цѣлый годъ буду хромать. Признаюсь, что на костыляхъ я крайне забавенъ. Хрущовъ поѣхалъ домой; онъ легко задѣтъ. Ахъ, Николай, война даетъ цѣну вещамъ. Сколько разъ измоченный дождемъ, голодный, на сырой землѣ, я завидовала хорошей постели, а теперь — не сытому хвалить обѣдъ! Я пью изъ чаши радостей и наслаждаюсь. Пришли братъ своихъ стиховъ, ради своей дружбы; надѣюсь, что не откажешь; я оживу. Да если можно какую-нибудь русскую новую книгу въ стихахъ, да Капниста. На волѣныхъ прошу тебя, ты бездѣлицу за это заплатишь.

Адресуй прямо въ Ригу. Прїѣзжай ко мнѣ, Николай, на три дня и мы бы вмѣстѣ въ Питеръ, когда мое здоровье позволитъ. Я бы тебѣ могъ прислать и денегъ на дорогу. Городъ прекрасный. И мы бы съ тобою обнялись. А? Подумай, да сдѣлай. Усталъ марать. Прощай, ожидаю отвѣта на цѣлой дести.

Вмѣсто имени: *).

4.

Рига. 1807. Іюля 12.

Любезный другъ Николай Ивановичъ, я удивляюсь, что отъ тебя не получилъ до сихъ поръ отвѣта на мое письмо. Ожидаю по крайней мѣрѣ столько длиннаго и широкаго отвѣта, каково добавленіе Энциклопедіи. Мнѣ гораздо легче; хотя одна рана и не закрыта, могу кой-какъ ходить. Но полно все объ себѣ. Поговоримъ и о тебѣ. Каково ты поживаешь, гдѣ и какъ? Что дѣлаешь? Что мечтаешь? Пиши ко мнѣ, мой другъ, болѣе какъ можно; меня все занимаетъ; а ты болѣе, нежели что другое. Признаюсь, что ты меня мало любишь или лѣнивъ. Въ твоихъ письмахъ мало чистосердечія, да и такъ коротки! Пиши ко мнѣ поболѣе, обо всемъ, о Капнистѣ, о Карауловѣ и пр. Что твой Омнръ? Неужели ты его бросилъ? Это стыдно. Пришли мнѣ хоть одну рѣму изъ твоего перевода. Утѣшь меня, пришли Капнистовы сочиненія или что-нибудь новое, меня какъ ребенка утѣшишь. Я по возвращеніи моемъ стану тебѣ рассказывать мои похождения, какъ Одиссей. Закуримъ трубки, да ну лепетать тихонько у огня. Дѣла протекшихъ лѣтъ, воскресните въ моей памяти! и сладостныя рѣчи потекутъ изъ устъ моихъ — не правда ли, послушай, мой другъ, мечтать всякому позволено. Поѣдемъ ко мнѣ въ деревню и заживемъ

*) Подъ этими словами Батюшковъ нарисовалъ карандашемъ свой портретъ во весь ростъ, на 2 костыляхъ, съ подвернутою лѣвой ногою. П. Я.

тамъ. Если Богъ исполнитъ живѣйшее желаніе моего сердца, то я съ тобою проведу нѣсколько мѣсяцевъ въ гостепріимной тѣни отеческаго крова. Если же и нѣтъ, то буди его святая воля. Помнишь ли того, между прочимъ, гвардейскаго офицера, котораго мы видѣли въ рестораціи — молодца? Онъ убитъ. Вотъ участь наша. Мы также потеряли въ нашемъ батальонѣ двухъ самыхъ лучшихъ офицеровъ. Ничто такъ не заставляетъ размышлять, какъ частныя посѣщенія Госпожи Смерти. Ваши братья стихотворцы пусть вѣнчаютъ ее розами, право она для тѣхъ, которые переживаютъ, не забавна. Напиши мнѣ вкратцѣ, говоря о смерти, что дѣлается на бульварахъ, въ саду и проч. Я получилъ отъ Катерины Ѳедоровны*) письмо. Дядюшка**) очень видно былъ болѣнъ, желаетъ меня видѣть. Дай Богъ, чтобъ былъ живъ. Рѣдкій человекъ. Ты не знаешь ему цѣны. Напиши мнѣ каковъ онъ?

Что у васъ происходитъ въ департаментѣ, въ лицахъ, въ театрѣ, а чай переменна! Что чинить Высокое. O grammairge à bime immense: tu nous laissez sans clarté. Я въ отечествѣ курительнаго такаку, бутерброту, кислаго молока, газетъ, лакированныхъ ботфортъ и жеманныхъ нѣмокъ, живу весело и мирно, меня любятъ. Хозяйка хороша, а дочь ея прекрасна — плачутъ что со мной должно разставаться.

Довольно къ тебѣ написалъ; боюсь тебя избаловать. Прощай. Цѣлую тебя заочно. — Vivat!

Сообщ. П. А. Шфремовъ.

Разсказы о И. А. Крыловѣ.

Въ бумагахъ Н. И. Второва мы нашли пять анекдотовъ о нашемъ знаменитомъ баснописцѣ, слышанныхъ имъ на литературномъ вечерѣ у графа В. А. Соллогуба въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ смерти поэта, и потомъ, какъ замѣтно, наскоро записанныхъ. Второй изъ этихъ анекдотовъ напечатанъ г. Беневичемъ въ его сочиненіи «Библиографическія и историческія пригичанія къ баснямъ Крылова», въ примѣчаніи къ баснѣ (XLIX) «Ларецъ», стр. 99—100, и повторенъ, съ подзвительной замѣткой, М. Н. Лонгиновымъ въ «Русс. Архивѣ» 1868 г. (№ XI, стр. 1818). За исключеніемъ его, сообщаемъ слѣдующіе четыре анекдота, изъ коихъ третій хотя и передалъ Плетневимъ въ его біографіи И. А. Крылова (см. Сочиненія И. А. Крылова, изд. 1847 г., ч. 1, стр. LXXXIX), но нѣсколько въ иной редакціи; остальныхъ мы не встрѣчали въ печати.

М. Ѳ. Де-Шуле.

*) Жена Мих. Ник. Муравьева.

**) Мих. Никитичъ Муравьевъ, бывший тогда товарищемъ мин. нар. просв. и попечителемъ московскаго учебн. округа, умеръ 28 іюля 1807 г. П. Ш.

1.

Одно лѣто императорская фамилія жила въ Аничковомъ дворцѣ. Крыловъ, какъ извѣстно, жилъ въ домѣ императорской публичной бібліотеки, въ которой занималъ должность бібліотекаря. Однажды покойный государь встрѣтилъ Крылова на Невскомъ.

— А, Иванъ Андреичъ! Каково поживаешь? Давно не видались мы съ тобою! сказалъ императоръ.

— Давненько, ваше величество, отвѣчалъ баснописецъ: а вѣдь, кажись, сосѣди!..

2.

Пушкинъ еще въ первую пору своей поэтической дѣятельности, на одномъ литературномъ вечерѣ, читалъ какое-то стихотвореніе, написанное имъ въ крайне романическомъ родѣ. Всѣ были въ восхищеніи, но Крыловъ оставался равнодушнѣй. Пушкинъ обратился къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:

— А что, Иванъ Андреичъ, признайтесь искренно, пьеса моя вамъ не понравилась?

— Нѣтъ, ничего, — понравилась, отвѣчалъ добродушно Крыловъ. Только послушайте, я расскажу вамъ анекдотъ. Однажды какой-то проповѣдникъ говорилъ своимъ слушателямъ, что все, созданное Богомъ, прекрасно, всѣ творенія Его прекрасны и пр. и проч. Въ это время подошелъ къ нему, къ каедрѣ, горбатый и сказалъ ему: — Помилуй, какъ прекрасны! А посмотри на мой горбъ!... — „Ничего, мой другъ, отвѣчалъ ему проповѣдникъ: и это также прекрасно“ *).

3.

Не задолго передъ кончиною Крылова, когда уже о безнадежности положенія его открыли другу его Я. И. Ростовцеву, который почти безотлучно при немъ находился, Ростовцевъ спросилъ Ивана Андреевича: — не мнителенъ ли онъ? — „А вотъ послушайте, какъ я мнителенъ, отвѣчалъ Крыловъ: лѣтъ сорокъ тому назадъ я заболѣлъ сильно. Докторъ, который меня пользовалъ, сказалъ, что болѣзнь моя опасна, что мнѣ угрожаетъ параличъ и что единственное средство къ спасенію — строгая діета. Вотъ я и въ самомъ дѣлѣ послѣ того началъ держать діету, отказываясь отъ всего лакомага, — и такъ прошло недѣли съ три. — “Ну, а потомъ что же? спросилъ его собесѣдникъ. — „Потомъ началъ опять все ѣсть и, Богъ хранилъ, ничего со мной не случилось“.

*) Рассказъ этотъ въ болѣе исправной редакціи сообщенъ во II-мъ томѣ «Русской Старины» 1870 г. стр. 86, С. А. Соболевскимъ. Ред.

Это былъ послѣдній разсказъ Крылова, часу во 2-мъ ночи,—слѣдовательно за 6 часовъ до смерти (умеръ онъ въ $\frac{3}{4}$ 8-го часа утромъ, 9 ноября 1844 г.).

4.

Разъ приѣхалъ И. А. Крыловъ къ одному своему знакомому. Слуга сказалъ ему, что баринъ спитъ. „Ничего, отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ, я подожду“,—и съ этими словами прошелъ въ гостиную, легъ тамъ на диванъ и заснулъ. Между тѣмъ хозяинъ просыпается, входитъ въ комнату и видитъ лицо, совершенно ему незнакомое.

— Что вамъ угодно? спросилъ его Крыловъ.

„Позвольте лучше мнѣ сдѣлать вамъ этотъ вопросъ, сказалъ хозяинъ, потому что здѣсь моя квартира“.

— Какъ! да вѣдь здѣсь живетъ Н?

„Нѣтъ, возразилъ хозяинъ, теперь живу я здѣсь, а г. Н жилъ, можетъ быть, до меня“.

Послѣ этихъ словъ, хозяинъ спросилъ Крылова объ имени и, когда тотъ сказалъ, обрадовался случаю, что видитъ у себя знаменитаго баснописца и началъ просить его сдѣлать ему честь—остаться у него.

— Нѣтъ ужъ, сказалъ Крыловъ, мнѣ и такъ теперь совѣстно смотреть на васъ,—и съ этими словами вышелъ.

Посланіе Крылова къ Варв. Петр. Ушаковой.

Дѣдушка Крыловъ, какъ привыкъ каждый называть его еще съ дѣтства, обладалъ рѣдкимъ умѣньемъ уживаться со всѣми и примѣняться ко всякой средѣ, гдѣ бы ни находился. Отъ этого онъ едва-ли не былъ единственнымъ человѣкомъ, не имѣвшимъ въ жизни враговъ. Его цѣнили не только послѣ смерти, какъ это большею частью бываетъ, но даже тѣ, кого онъ осмѣивалъ въ своихъ бессмертныхъ твореніяхъ, не имѣли къ нему враждебнаго чувства, и вмѣстѣ съ нимъ смѣялись надъ собою.

Личнымъ качествамъ своего характера и высокому таланту онъ былъ обязанъ тому вниманію, которое постоянно оказывала ему еще императрица Екатерина, иногда приглашавшая его во дворецъ. Къ нему болѣе чѣмъ къ кому другому можно примѣнить цитероновскую фразу: „*hominem cognitum per te, nulla comendatione majorem*„ (ты

человѣкъ, котораго знаютъ по тебѣ самомъ, а не по рекомендаціи предвовъ.)

Въ одномъ изъ двадцатыхъ годовъ наст. стол., имп. фамилія имѣла лѣтнее пребываніе въ Павловскѣ. Крыловъ былъ также приглашенъ на нѣсколько дней въ Павловскъ и три или четыре дня сряду читалъ, по вечерамъ, на половинѣ императрицы свои басни и отрывки изъ комедій. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ онъ получилъ приглашеніе къ обѣденному столу, по случаю предстоявшаго праздника въ императорской фамиліи. Въ ночь, наканунѣ этого обѣда, Крыловъ былъ укушенъ мухой. На лицѣ оказалась большая опухоль, съ которою нельзя было явиться во дворецъ.

Въ назначенный день, утромъ, Крыловъ послалъ словесное извѣщеніе о постигшемъ его несчастіи фрейлинѣ В. П. У-ой*), прося ее объяснить о причинѣ его отсутствія, если императрица обратитъ на это вниманіе. Въстѣ съ тѣмъ Крыловъ написалъ шуточное посланіе въ стихахъ, которое велѣлъ передать В. П. не запечатаннымъ, давая тѣмъ понять свое желаніе, чтобы посланію этому не было придано значеніе письма, и чтобы оно было прочтено другимъ фрейлинамъ.

Вотъ это посланіе, которое не находится въ собраніи сочиненій Ив. А. Крылова:

Варвара Павловна!
Обласканный не по заслугамъ,
И вамъ и вашимъ всѣмъ подругамъ,
Крыловъ изъ вельи шлетъ поклонъ,
Гдѣ мухою укушенъ онъ.
Сидитъ раздуть какъ купидонъ —
Но не паеосскій и не критскій,
А иль татарскій иль калмыцкій,
Что-жъ дѣлать?.. надобно терпѣть!..
Но чтобы у боли сбавить силы,
Нельзя-ль меня вамъ пожалѣть?..
Вы такъ добры, любезны, милы,—
Нельзя-ль уговорить подругъ,
Чтобъ вспомнить бѣднаго Крылова
Когда десертъ пойдетъ вокругъ?..
Повѣрьте, онъ изъ вашихъ рукъ,
Лекарствомъ будетъ для больного.

За обѣдомъ отсутствіе Крылова было замѣчено императрицей, и когда ей объяснены были его причины и посланіе Крылова, она много смѣялась и тотчасъ-же приказала послать Крылову фруктовъ и конфектъ.

Сообщ. А. Н. Петровъ.

*) Варвара Павловна Ушакова, дочь генералъ-адъютанта Павла Петровича Ушакова, одного изъ воспитателей великихъ князей, сыновей императора Павла.

Лицейская годовщина 19 Октября 1838 г.

Стихотвореніе В. К. Кюхельбекера.

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, даровитый поэтъ и весьма образованный литераторъ первой четверти текущаго столѣтія, род. въ С.-Петербургѣ въ 1797 году; воспитывался онъ сначала въ частномъ пансіонѣ въ Верро, въ Эстляндской губерніи, а въ 1811 году отданъ былъ въ только-что учрежденный тогда Александровскій царскосельскій лицей, гдѣ и окончилъ курсъ въ ряду такихъ товарищей, пребывшихъ всю жизнь его друзьями, каковы А. С. Пушкинъ, И. И. Пущинъ, баронъ А. А. Дельвигъ и др. Начавъ службу въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, онъ скоро ее оставилъ и отправился за границу. Въ Парижѣ Кюхельбекеръ первымъ изъ русскихъ читалъ, и притомъ съ большимъ успѣхомъ, публичныя лекціи о литературѣ славянск. нар. и славянскомъ языкѣ. Въ 1821 г. мы видимъ В. К. Кюхельбекера на службѣ въ Тифлисѣ въ канцеляріи А. П. Ермолова. Здѣсь онъ сдружился съ А. С. Грибоѣдовымъ. Оставивъ въ скоромъ времени и вторую попытку подвизаться на государственной службѣ, В. К. Кюхельбекеръ окончательно предался литературѣ, къ которой влекло и образованіе, и талантъ, и врожденныя его склонности. Въ Москвѣ мы скорѣе его видимъ журналистомъ: вмѣстѣ съ кн. В. Ѡ. Одоевскимъ Кюхельбекеръ издавалъ журналъ «Мнемозина». Послѣ событій 14 декабря 1825 г. Кюхельбекеръ шестнадцать лѣтъ провелъ въ изгнаніи, но и въ глуши Сибири этотъ вѣчно учившійся, постоянно трудившійся человѣкъ не оставялъ пера. Онъ читалъ, сочинялъ, переводилъ съ древнихъ и новѣйшихъ языковъ; послѣдніе онъ зналъ въ совершенствѣ, а въ часъ досуга обращался къ своей музѣ, которая дарила его наслажденіемъ: довольно много стихотвореній было написано имъ въ эту эпоху, ниже одно изъ нихъ. В. К. Кюхельбекеръ скончался 11 августа 1846 г. слѣдомъ въ Тобольскѣ, послѣ долголѣтней предъ тѣмъ жизни въ крѣпости Акшѣ, близъ Китайской границы *).

Блаженъ, кто палъ, какъ юноша Ахиллъ,
 Прекрасный, мощный, смѣлый, величавый,
 Въ срединѣ поприща побѣдъ и славы,
 Исполненный несокрушенныхъ силъ!
 Блаженъ! лицо его всегда младое,
 Сіяніемъ безсмертія горя,
 Блеститъ, какъ солнце вѣчно золотое,
 Какъ первая Эдемская заря.

* * *

А я одинъ средь чуждыхъ мнѣ людей,
 Стою въ ночи, беспомощный и хилый,
 Надъ страшной всѣхъ надеждъ моихъ могилой,
 Надъ мрачнымъ гробомъ всѣхъ моихъ друзей.

*) Въ Акшѣ у Кюхельбекера родился сынъ Михаилъ, которому до 1856 г. запрещено было носить фамилію своего отца, онъ назывался Васильевымъ; уже въ бытность въ университетѣ въ Спб., молодой человѣкъ получилъ фамилію своего отца.
 Ред.

Въ тотъ гробъ бездонный, молніей сраженный,
 Послѣдній палъ родимый мнѣ поэтъ...
 И вотъ опять Лицея день священный,
 Но ужъ и Пушкина межъ вами нѣтъ.

* * *

Не принесетъ онъ новыхъ пѣсней вамъ
 И съ нихъ не затрепещутъ перся ваши,
 Не выпьетъ съ вами онъ задравной чаши:
 Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ —
 Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пируетъ.
 Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ:
 По нихъ, по нихъ душа моя тоскуетъ,
 Я жадно руки простираю къ нимъ.

* * *

Пора и мнѣ! Давно судьба грозитъ
 Мнѣ казнѣ нестерпимаго удара:
 Она того меня лишаетъ дара,
 Съ которымъ духъ мой неразрывно слитъ.
 Такъ! перенесъ я годы заточенья,
 Изгнаніе и срамъ и сиротство;
 Но подъ щитомъ святаго вдохновенья,
 Но здѣсь во мнѣ пылало божество.

* * *

Теперь пора! — Не пламень, не перунъ
 Меня убилъ; нѣтъ, вязну средь болота,
 Горою давять нужды и забота
 И я отвыкъ отъ позабытыхъ струнъ.
 Мнѣ ангелъ пѣсней рай въ темницѣ душной
 Когда-то созидалъ изъ сновъ златыхъ;
 Но безъ него не трупъ ли я бездушный
 Средь труповъ столь же хладныхъ и нѣмыхъ?*)

Сообщ. Ю. В. Косова.

*) Стихотвореніе это напечатано въ Отечественн. Запискахъ 1861 г. т. 139, № 11, стр. 38 и перепечатано въ «Собраніи стихотвореній декабристовъ» Лейпцигъ, 1862 г., стр. 146—147, въ обоихъ случаяхъ съ ошибками, напр. оно отнесено годомъ позже и проч. Мы печатаемъ это стихотвореніе съ автографа. Ред.

Александръ Ивановичъ Одоевскій.

(1804 + 1839).

(Стихотворенія его и письма).

Гвардіи корнетъ, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, род. въ 1804 году. Прекрасное образованіе, фамилійныя связи и талантъ, рано отвели ему видное мѣсто въ ряду блестящей молодежи Петербургскаго общества двадцатыхъ годовъ. Участіе въ событіяхъ 14 декабря было причиною его ссылки въ 1826 году въ Сибирь, откуда онъ вмѣстѣ съ товарищемъ его несчастья, Михаиломъ Александровичемъ Назимовымъ, переведенъ въ октябрѣ 1837 года, на Кавказъ, Солдатомъ. Здѣсь сблизился онъ съ молодымъ поэтомъ Лермонтовымъ, который посвятилъ ему нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній; два года спустя, именно 12 августа 1839 года, А. И. Одоевскій, произведенный вновь въ офицеры, умеръ отъ чахотки, въ упраздненномъ нынѣ укрѣпленіи Пеззуапѣ, на Восточномъ берегу Чернаго моря. Замѣчательно тѣсная дружба соединила молодого поэта съ его отцемъ. Печатаемые ниже стихотворенія и письма Одоевскаго, вмѣстѣ съ письмомъ отца его, сообщены вамъ въ подлинникахъ, другомъ поэта М. А. Назимовымъ.

Ред.

I.

ВЪ СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ 1826 ГОДА ВЪ К — ТИ
С.-ПЕТЕРБУРГА.

Пробило полночь! Грянулъ громъ,
И грохотъ радостный раздался
Отъ звона воздухъ колебался,
Отъ пушекъ, въ сумракъ ночномъ,
По небу зарева бѣжали,
И разлетаяся во тьмѣ,
Меня — поющаго въ тюрьмѣ —
Багрянымъ свѣтомъ освѣщали!
Я на колѣняхъ стоя пѣлъ,
Со звукомъ устъ моихъ на небо взоръ летѣлъ;
И херувимы запѣвали (?)
Въ надъ звѣздной вышины
Ихъ пѣнья слышались мнѣ;
Съ ихъ гласомъ всѣ міры гармоній сливали,
Воскресшій среди ихъ воинъ стоялъ,
И день, блестящій день сіялъ
Надъ сумраками ночи;

Стоялъ Онъ радостно среди небесныхъ силъ
 И полныя любви божественныя очи
 На міръ спасенный низводилъ.
 И славу Вышняго, и на землѣ спасенье
 Я тихимъ гласомъ воспѣвалъ,
 И звукъ мой — также гласъ къ Воскресшему взлеталъ
 Изъ гроба — пѣлъ я воскресенье!....

II.

УМИРАЮЩІЙ ХУДОЖНИКЪ *).

Всѣ впечатлѣнья въ звукъ и цвѣтъ
 И слово стройное тѣснились, —
 И Музы юношей гордились,
 И говорили — Онъ Поэтъ! —
 Но нѣтъ; — едва лучи денницы
 Моей коснулись зѣницы —
 Какъ свѣтъ во взорахъ потемнѣлъ,
 Плодъ жизни свѣянъ недоспѣлый!
 Нѣтъ! — Слово небесныхъ вистью смѣлой
 Одушевить я не успѣлъ;
 Гласъ пѣсни, мною недопѣтой
 Не дозвучить въ земныхъ струнахъ
 И я — въ нетлѣніе одѣтый....
 Ее дослышу въ небесахъ.
 Но на землѣ — гдѣ чистый пламень
 Огня души я не излилъ,
 Я умеръ весь.... И грубый камень,
 Обычный кровъ нѣмыхъ могилъ,
 На черепъ мой остывшій ляжетъ,
 И соплеменнику не скажетъ,
 Что рано выпала изъ рукъ
 Едва настроенная лира,
 И не успѣлъ я въ стройный звукъ
 Пзлить красу и стройность міра! *) (Чита, 1827 года).

III.

МОЯ ПЕРИ.

Взгляни, утѣшь меня усладой мирныхъ думъ,
 Степныхъ небесъ заманчивая Пери.

*) Первая десять строкъ этого стихотворенія ввѣты изъ списка сообщеннаго намъ барономъ А. Е. Розеномъ, послѣднія — изъ копій, принадлеж. М. А. Назимову.

«РУССКАЯ СТАРИНА», ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, 1870. Т. I.

Во мнѣ грусть тихая смѣнила бурный шумъ,
 Остался дымъ отъ пламенныхъ повѣрій.
 Теперь томлю-ли грусть въ волненіи людей,
 Меня смѣшить ихъ суетная радость;
 Ищу я думою подернутыхъ очей,
 Люблю рѣчей задумчивую сладость. -
 Меня тревожить смѣхъ дряхлѣющихъ дѣтей,
 Съ усмѣшкою гляжу на нихъ угрюмый.
 Но жизнь моя цвѣтетъ улыбкою твоей,
 Твой ясный взоръ съ моею сроднился думой.
 О Пери! улети со мною въ небеса
 Въ твою отчизну, гдѣ все нѣгой вѣетъ,
 Гдѣ тихо и свѣтло, и времени коса
 Предъ цвѣтомъ жизни цѣпенѣетъ.
 Какъ облако плыветъ въ иной прекрасный міръ
 И таетъ, просіявъ вечернею зарею,
 Такъ полечу и я, растаю весь въ эфиръ
 И обовью тебя воздушной пеленою. (Кархагачъ, 29 Февр. 1832 г.).

IV.

КЪ ОТЛЕТѢВШЕЙ.

Тебя ужъ нѣтъ, но я съ тобою
 Еще дышу;
 Туда въ лазурь, я за тобою
 Слѣшу, слѣшу!
 Когда же ласточкой взовьюсь я
 Въ тотъ лучший міръ,
 Растаю и съ тобою сольюсь я
 Въ одинъ эфиръ —
 Чтобъ съ Неба пасть росой жемчужной,
 Алмазовъ слезъ
 На бѣдный міръ, гдѣ крестъ я дружно
 Съ тобою несъ.
 Но на землѣ, блеснувъ слезами,
 Взовьюся вновь
 Туда, гдѣ вѣчными зарями
 Блеститъ любовь.

V.

МОЙ НЕПРОВУДНЫЙ СОНЪ.

Еще твой образъ свѣтлоюкой
 Стоитъ и дышетъ предо мной,

Какъ въ душу онъ запалъ глубоко!
Тревожить онъ ея покой.

Я помню грустную разлуку:
Ты мнѣ на мой далекій путь,
Какъ старый другъ пожала руку,
И мнѣ сказала: „не забудь“!

Тебя я встрѣтилъ на мгновенье,
На вѣкъ разстался я съ тобой!
И все какъ сонъ! Ужель видѣнье,
Мечта души моей больной?

Но если только сновидѣнье,
Играетъ бѣдною душой,
Кто дастъ мнѣ сонъ безъ пробужденья?
Нѣтъ, лучше смерть и образъ твой!

VI.

Л И П А.

Изъ дѣтскихъ всѣхъ воспоминаній
Одно во мнѣ свѣжѣе всѣхъ,
Я въ немъ ищу въ часы страданій
Душѣ — младенческихъ утѣхъ.

* * *

Я помню лицу, нераздѣльно
Я съ нею жилъ; и листьевъ шумъ
Мнѣ вѣялъ пѣсней колыбельной,
Всей нѣгой первыхъ дѣтскихъ думъ.

* * *

Какъ вѣтви сладостно шептали!
Какъ отвѣчалъ имъ лепетъ мой!
Мы будто вмѣстѣ пѣснь слагали
Съ любовью, съ радостью одной.

* * *

Давно я съ липой разлучился,
Она какъ прежде зелена,
А я? Какъ старъ! Какъ измѣнился!
Не молодить меня весна!

* * *

Увижу-ль липу я родную?
Тамъ могъ-бы сердце я согрѣть,

И пѣснь младенчески простую
Съ тобой, мой добрый другъ, запѣть.

* * *

Ты старъ; но листья молодѣютъ.
А люди, люди! Что мнѣ въ нихъ:
Чѣмъ старѣй — больше все черствѣютъ:
И чувствъ стыдятся молодых!

VII.

РѢКА УСЬМА.

Какъ сладокъ первый день среди полей отчизны
На берегахъ излучистой Усьмы!
Опять блеснулъ намъ лучъ давно минувшей жизни
И вывелъ насъ изъ долгой скорбной тьмы.....
Мы ожили! Нашъ взоръ тонулъ въ зеленомъ морѣ
Родныхъ полей и рощей и холмовъ.
Тамъ горы тянутся, тутъ въ живописномъ спорѣ
Съ лазурью струй сѣнь пышная лѣсовъ.
Усьма то скроется въ лѣсу, то вновь проглянетъ
Одѣта какъ невѣста въ блескъ небесъ;
Въ объятія кинется, а тамъ опять обманетъ
Склоненный къ ней, въ нее влюбленный лѣсъ.
Тутъ какъ дитя шалить: то съ мельницей играетъ,
И рѣзвится какъ бѣлка съ колесомъ,
То островъ срядить и его объемы засыпаютъ,
Какъ мысль любви застигнутая сномъ;
И сладкій сонъ ея сіяетъ небесами,
Всей прелестью осеннихъ ясныхъ дней,
Пока она опять разгульными струями
Не побѣжитъ вдоль рощей и полей.
И можетъ ли что быть милѣе и привольнѣй
Обзора мирнаго пріятныхъ этихъ мѣстъ,
Гдѣ изъ дали блещитъ на бѣлой колокольнѣ
Манить, какъ жизни цѣль, отрадный спасовъ крестъ *)?

---

*) Воспѣтая здѣсь рѣка Усьма или Усьмань, протекая по Тамбовской губ., впадаетъ въ рѣку Воронежъ съ лѣвой ея стороны. На ней раскинуто много богатыхъ селеній и мельницъ. Слово Усьма или Усьмань, по-татарски значитъ красавица. Одоевскій плѣнился ею на пути изъ Сибири на Кавказъ осенью 1837 года.

VIII.

ЭКСПРОМТЪ *).

Куда несетесь вы, крылатя станицы?
 Въ страну-ль, гдѣ на горахъ шумить лавровый лѣсъ,
 Гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы,
 И тонуть въ синевѣ пылающихъ небесъ.
 И мы — на югъ! въ страну, гдѣ яхонтъ неба рдѣеть
 И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ, —
     И насъ, и насъ далекій путь влечетъ;
     Но солнце тамъ души не отогрѣетъ,
     И свѣжей миртъ чела не обовьетъ.
 Пора отдать себя и смерти и забвенью!
 Но тѣмъ-ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
 Что насъ, не сѣвера угрюмая сосна,
 А южный кипарисъ своей покроетъ тѣнью, —
     И что не мерзлый ровъ, не снѣговой уваль
     Насъ мирно подарятъ послѣднимъ новосельемъ;
     Но кровью жаркою обрызганный чакалъ
     Гостей бездомный прахъ разброситъ по ущельямъ **).

IX.

СЕНЬ-ВЕРНАРЪ.

Во лдяныхъ шлемахъ великаны
 Стоять теряясь въ небесахъ,
 И молній полные волчаны
 Гремятъ на крѣпкихъ раменахъ.
 Туманы зыбкими грядами
 Какъ поясъ, станъ ихъ облегли,
 И разстучилась грудь земли
 Подъ ихъ гранитными стопами.

Храните благодатный югъ
 Соединясь въ завѣтный полуеругъ,
 Вы, чада пламени, о Альпы-исполинны!
 Храните вы, изъ вѣка въ вѣкъ,

*) «Этотъ экспромтъ сказанъ Одовскимъ при видѣ станицы журавлей, летѣвшихъ на югъ, когда онъ ѣхалъ со мною въ одномъ экипажѣ изъ Сибири на Кавказъ въ октябрѣ 1837 года. Стихотвореніе это тогда же было записано мною на ближайшей станціи со словъ моего друга Одовскаго».

Примѣч. М. А. Назимова.

**) Послѣднія четыре строки «Экспромта» сообщены барономъ А. Е. Розеномъ.

Источники вѣчно-шумящихъ рѣкъ,
И нѣжно-злачныя Ломбардіи долины!

Кто мчится къ Альпамъ? Кто летитъ
На огненномъ питомцѣ Нила?
Въ очахъ повойныхъ взоръ горитъ,
Души неодолимой сила!
Въ немъ зрѣветъ новая борьба,
Грядущій рядъ побѣдъ летучихъ,
И неизбѣжны какъ судьба,
Рѣшенья думъ его могучихъ.

Съ воя сошелъ онъ. Чуя бой,
Воскликнулъ Сен-Бернаръ: „Кто мой покой
Нарушить смѣлъ?“ Онъ рекъ, — и шумная лавина
Ниспала и зарыла долъ;
Протяжно вслѣдъ за гуломъ гулъ пошелъ —
И Альпы слили въ громъ глаголы исполина:

„Я узнаю тебя! Ты съ Нильскихъ пирамидъ
Слетѣлъ ко мнѣ, орелъ неутомимый!
Тебя, бессмертный вождь, мучительно томить
Побѣды гладъ неутолимый!
И имя, какъ самумъ на пламенныхъ пескахъ,
Шумящее губительной грозой,
Ты хочешь впечатлѣть желѣзною столою
Въ моихъ натающихъ снѣгахъ!

Нѣтъ, нѣтъ! Италіи не уступлю безъ боя“!
— „Впередъ!“ — отвѣтъ могучій прозвучалъ....
Уже надъ безднами виситъ стезя героя,
И вверхъ по ребрамъ голыхъ скалъ,
Гдѣ нѣтъ когтей слѣдовъ, гдѣ гнѣздъ не вьютъ орлицы
Идутъ полки съ довѣрьемъ за вождемъ;
Всходя, дѣвлятся безстрашныхъ вереницы
И въ мѣдныхъ жерлахъ вносятъ громъ.

Мрачнѣетъ Сен-Бернаръ; одѣянъ бурной мглою,
Вдругъ съ трескомъ рушится, то вновь стоитъ скалою;
Сто усть — сто безднъ — раскрывъ со всѣхъ сторонъ,
Всѣмъ мразомъ смерти дышетъ онъ!

— „Впередъ!“ — воскликнулъ вождь. „Впередъ!“ промчались влики...
Рѣдѣтъ мгла, и небо разсвѣло...
И гордую стопу уже занёсъ Великій
На исполинское чело!

„Я узнаю тебя*), мой чудный побѣдитель!
Въ лучахъ блеститъ Маренго! Цѣпъ побѣдъ
По міру прогремитъ...! Но встанетъ крѣпкій мститель,
И ты на свой наступишь слѣдъ.
Свершая замыслы всемірнаго похода,
Ты помни: твой предтеча Аннибалъ
Съ юнѣющей судьбой могучаго народа
Въ борьбѣ неравной шумно палъ**)!“

Страшись! Уже на кликъ отечества и славы
Встаетъ народъ: онъ грань твоихъ путей!...
Всходящая звѣзда мужающей державы
Уже грозитъ звѣздѣ твоей...
Въ полночной мглѣ, въ снѣгахъ есть конь и всадникъ мѣдвнй:
Ударитъ конь копытами въ гранитъ
И, кинувъ огонь въ сердца, онъ искрою побѣдной
Твой грозный лавръ испечелитъ!“

Примѣчаніе. Двое изъ приведенныхъ выше стихотвореній А. И. Одоевскаго напечатаны въ сборникѣ стиховъ, вышедшихъ въ Лейпцигѣ въ 1862 году, гдѣ онѣ помѣщены въ числѣ семнадцати произведеній музы этого даровитаго и столь безвременно умершаго поэта. Впрочемъ, въ изданіи 1862 г., въ текстѣ стихотворенія «Сень-Бернаръ», сдѣлано нѣсколько существенныхъ ошибокъ. Мы его напечатали съ автографа, сообщеннаго намъ М. А. Назимовымъ.

Ред.

Письмо отца поэта, кн. Ивана Одоевскаго къ М. А. Назимову.

Милостивый государь, Михаилъ Александровичъ! Позвольте мнѣ принести вамъ душевную мою благодарность за дружбу вашу къ моему другу милому Александру; видя лично всегдашнее дружеское ваше попеченіе объ немъ, не нахожу словъ какъ изъяснить вамъ чувства вѣчной моей къ вамъ благодарности.—Прошу искреннѣйше

*) Въмсто словъ: «я узнаю тебя»—въ напечатанномъ спискѣ: «Италія твоя!»

***) Въмсто послѣднихъ строкъ въ напечатанномъ спискѣ значитса:

Разбивъ вождей, не побѣдилъ народа—
И грозный поворотъ фортуны испыталъ!

вась обязать меня исполнить ваше мнѣ данное обѣщаніе, не отказать хранить въ Александру моему всегдашнее расположеніе ваше и беречь его отъ столь вреднаго. вашего воздуха и столь опаснаго огня въ краѣ вашемъ.—Письмо ваше, адресованное на имя матушки вашей Марѣи Степановны, для пересылки вѣрнѣйшей, лично вручено мною владимірскому почтъ-мейстеру вчерась въ проѣздъ мой черезъ нашъ сей губернской городъ, который при мнѣ и отправилъ сіе письмо и за вѣрную доставку вамъ отвѣчаетъ.

Прошу увѣдомить меня по адресу Владимірской губерніи, въ городъ Юрьевъ, какъ вы доѣхали, дошелъ ли вашъ тарантасъ столь много нагруженный?—Служите-ли вы всѣ трое въ одномъ батальонѣ?—и сообщите мнѣ адресъ вашъ.—Словомъ, прошу одолжить сообщить мнѣ все, что до васъ касается со дня разставанія столь убійственнаго для меня!—Не забудьте о обѣщаніи вашемъ прислать мнѣ портретъ милаго и безпѣннаго друга моего — за что по гробъ не премину быть вамъ благодарнымъ. Христа ради сберегите мнѣ моего Александра, разцѣлите его за меня и твердите ему ежедневно, что онъ, сберегая свое здоровье и свою жизнь, онъ сдѣлаетъ благополучіе послѣднихъ дней жизни моей. Прошу также и мнѣ сдѣлать препорученія ваши, кои всегда исполню съ величайшимъ удовольствіемъ, а я съ вѣчною благодарностью и почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь, покорнѣйшій вамъ слуга

Иванъ Одоевскій.

1-го окт. 1837.

Письмо А. И. Одоевскаго къ М. А. Назимову:

Мой милый другъ, Михаилъ Александровичъ! Я потерялъ—моего отца: ты его зналъ. Я не знаю, какъ я былъ въ состояніи перенести этотъ ударъ,—кажется послѣдній: другой какой бы ни былъ—слишкомъ будетъ слабъ по сравненію.

Все кончено для меня. Впрочемъ, я очень, очень спокоенъ. Мой добрый, мой нѣжный отецъ попросилъ, передъ кончиной, моего портрета. Ему подали сдѣланный Волковымъ. „Нѣтъ, не тотъ“, сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Тотъ портретъ, который ты подарилъ ему, онъ попросилъ положить ему на грудь, прижалъ его обѣими руками, — и умеръ. Портретъ сошелъ съ нимъ въ могилу. Прощай, мой другъ; обнимаю тебя отъ души и желаю тебѣ болѣе счастья, гораздо болѣе, нежели сколько меня ожидаетъ въ этомъ мірѣ. Ты впрочемъ (я увѣренъ!) будешь счастливѣе меня.

Нарышкинъ и Лореръ лечатся въ Тамани. И. А. Загорѣцкій и Лихаревъ *) тебѣ кланяются. Мы все еще въ Субаши. Еммануиль Еммануиловичъ Попандополло все расскажетъ тебѣ; а мнѣ не до того. Я спокоенъ;—говорить-говорю, какъ и другіе; но когда я одинъ передъ собою или пишу къ друзьямъ, способнымъ раздѣлить мою горестъ, то чувствую, что не принадлежу къ этому міру. Поздравляю тебя съ галунами.—Мой сердечный поклонъ тѣсѣ моему, Александру Ивановичу. Обнимаю тебя отъ всего сердца, и желаю тебѣ счастья и всѣхъ успѣховъ возможныхъ, равно какъ и Александру Ивановичу. Прощай еще разъ.

Лагерь при Субаши 21 іюня 1839.

Твой Александръ.

Помѣта М. А. Назимова. Александръ Одоевскій скончался 12 августа 1839 года, чрезъ 15 дней послѣ отсылки этого письма, въ Пезезуаппе, на восточномъ берегу Чернаго моря, между Субаши и Сочи, въ упраздненномъ нынѣ урѣбленіи.

А. С. Пушкинъ.

Письмо о печатаніи «Исторіи Пугачевского бунта»

Милостивый Государь, Михайло Лукьяновичъ. Въ слѣдствіи даннаго Вамъ Начальствомъ порученія касательно напечатанія рукописи моей, подъ названіемъ Исторіи Пугачевского бунта, и по личному моему съ Вами о томъ объясненію, поспѣшаю васъ увѣдомить:

1-е Желаю я чтобъ означенная рукопись была напечатана въ 8-ю долю листа, такого же формата, какъ Сводъ Законовъ.

2-е число экземпляровъ полагаю я 3,000; изъ коихъ для 1,200 прошу заготовить бумагу на счетъ казенный, а потребное количество оной для 1,800 экз. доставлю я самъ въ типографію.

3-е что касается до шрифта и вообще до изданія книги, то на всемъ полагаюсь на Ваше благоусмотреніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть Милостивый Государь Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

3 іюля 1834 Спб.

Примѣч. Письмо это, приведенное буквально, и писанное Пушкинымъ къ начальнику Типографіи II-го Отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи—дѣйств. статск. совѣтнику Михаилу Лукьяновичу Яковлеву, подарено намъ, въ подлинникъ, Евгеніемъ Яковлевичемъ Кореневымъ.

Ред.

*) Всѣ четыре—товарищи Назимова и Одоевскаго по судьбѣ и по службѣ на Кавказѣ.

Ред.

Разсказы о Пушкинѣ.

I. Въ февралѣ 1833 года, извѣстный въ свое время всей читающей Россіи, книгопродавецъ А. Ѳ. Смирдинъ, перенесъ свой книжный магазинъ отъ Синяго моста въ домъ Петропавловской церкви, что на Невскомъ проспектѣ, задумалъ пригласить къ себѣ всѣхъ литераторовъ отпраздновать новоселье; въ числѣ литераторовъ были и нѣкоторые цензора. Бывая нерѣдко у одного изъ тогдашнихъ цензоровъ, В. Н. Семенова, дяди моего по матери, я часто встрѣчалъ у него Смирдина. За нѣсколько дней до праздника Смирдинъ, явась къ Семенову звать его къ себѣ и увидѣвъ тамъ меня — тоже пригласилъ. Такъ какъ я часто бывалъ у дяди, то имѣлъ случай познакомиться со многими литераторами и художниками: Пушкинъ, Гоголь, Гречъ, Полевой Николай, Кукольникъ, Сенковский, Каратыгинъ, Брюловъ и т. д. были нерѣдкіе его гости, слѣд. приглашеніе Смирдина я охотно принялъ. Смирдинскій праздникъ удался вполне: всѣ были дружно-веселы. Пушкинъ былъ необыкновенно оживленъ и щедро сыпалъ остротами, изъ которыхъ одну, въ особенности, я удержалъ въ памяти. Семеновъ за обѣдомъ сидѣлъ между Гречемъ и Булгаринымъ, а Пушкинъ vis-à-vis съ нимъ; къ концу обѣда Пушкинъ, обратясь къ Семенову, сказалъ довольно громко: Ты, Семеновъ, сегодня точно Христосъ на Голгоѣ..... Гречъ заплодировалъ, а всѣ мы расхохотались — одинъ Булгаринъ сгорчился и промолчалъ; но когда встали изъ-за стола, Булгаринъ, подойдя къ Семенову, сказалъ: «вамъ и быть-то между нами не слѣдуетъ!» Почему это? спросилъ Семеновъ; «а потому, что вы литературный палачь». Дядя вздумалъ-было обижаться, но многіе уговорили его не обращать вниманія на слова Булгарина, и Гречъ прямо, тутъ же, объявилъ, что это сказано Булгаринымъ потому, что ему хотѣлось сорвать на Семеновѣ свою досаду на Пушкина, котораго, какъ извѣстно, онъ побаивался.

Здѣсь будетъ встать пояснить, что Гречъ, въ своихъ остротахъ, менѣе всѣхъ щадилъ Булгарина, а разъ какъ-то, при мнѣ, у того же Семенова, Пушкинъ сказалъ Гречу: «Удивляюсь, Николай Ивановичъ, вашей дружбѣ съ Булгаринымъ!.....» «Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго — отвѣчалъ Гречъ — я друженъ съ нимъ, какъ мачиха съ пасынкомъ».

Н. Н. Терпигоревъ.

II. Въ XI кн. „Русскаго Вѣстника“ 1869 г. напечатана статья пишущаго эти строки: „Къ біографіи А. С. Пушкина, выдержки изъ записной книжки“. Вотъ замѣтки, сообщенныя намъ по ея поводу —

Алексѣемъ Николаевичемъ Вульфомъ, другомъ Пушкина, Языкова, бар. Дельвига и владѣльцемъ многократно воспѣтаго поэтами села Тригорскаго. „Во время пребыванія своего въ ссылкѣ, въ деревнѣ, Пушкинъ подъ надзоромъ игумена Святогорскаго монастыря не былъ и только угощалъ его у себя по праздникамъ. Приемъ „дѣдушка-игуменъ“ и проч. набраны были Львомъ Пушкинымъ, Пановскимъ, Вронченко и другими ихъ собесѣдниками въ 1832 году въ Варшавѣ. Отъ игумена же Святогорскаго монастыря Пушкинъ позаимствовалъ поговорки, вставленныя въ „Бориса Годунова“, именно въ ту сцену, которая происходитъ въ корчмѣ на границѣ.

Напѣ Ѡма.
 Пьетъ до дна,
 Выпьеть—да поворотить,
 Да въ донушко поволоотить.... и т. д.

Во всѣхъ изданіяхъ „Бориса Годунова“, эти поговорки выброшены.

III. Языковъ въ своемъ извѣстномъ посланіи, говоритъ, что изъ Михайловскаго въ Тригорское:

На ворономъ аргамакѣ
 Заморской шляпою покрытый
 Вольтеръ и Гете и Расинъ
 Являлся Пушкинъ знаменитый....

Но, увы! въ прозѣ дѣйствительности Пушкинъ возсѣдалъ не на ворономъ аргамакѣ, а на старой клячѣ.

IV. Передъ дуэлью Пушкинъ не искалъ смерти; напротивъ, надѣясь застрѣлить Дантеса, поэтъ располагалъ поплатиться за это лишь новою ссылкой въ село Михайловское, куда возьметъ и жену, и тамъ-то, на свободѣ предполагалъ заняться составленіемъ исторіи Петра Великаго. Извѣстно также, что еще около 1818 г., въ бытность поэта въ Петербургѣ, одна славная тогда въ столицѣ ворожея сдѣлала зловѣщее предсказаніе Пушкину, когда тотъ посѣтилъ ее съ однимъ изъ своихъ пріятелей.

Глядя на ихъ руки, колдунья предсказала обоимъ насильственную смерть. На другой день пріятель Пушкина, служившій въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ ротнымъ командиромъ, былъ заколотъ унтеръ-офицеромъ. Пушкинъ же до такой степени вѣрилъ въ зловѣщее пророчество ворожеи, что когда, впоследствии, готовясь къ дуэли съ извѣстнымъ американцемъ гр. Толстымъ, стрѣлялъ вмѣстѣ со мною въ цѣль, то не разъ повторялъ: „этотъ меня не убьетъ, а убьетъ бѣлокурый, такъ колдунья пророчила“—и точно, Дантесъ былъ бѣлокуръ“.

Запрещеніе журнала «Московскій Телеграфъ».

Письма Н. А. Полевого 2 и 29 марта 1834 г.

Н. А. Полевой прожилъ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни (отъ конца 1835 по 1846 гг.) въ Петербургѣ. Отъ этого десятилѣтія сохранилось у меня довольно много его писемъ; большая часть ихъ писана Николаемъ Алексѣвичемъ къ женѣ изъ Москвы, куда онъ принужденъ былъ отлучаться отъ времени до времени по дѣламъ.

Между этими письмами, имѣющими преимущественно интересъ семейный, мнѣ удалось отыскать два такихъ письма, которыя заключаютъ въ себѣ подробности, важныя для будущей біографіи Н. А. Полевого. Письма эти относятся къ такому періоду его жизни, который доселѣ остается еще очень темнымъ: оба письма писаны въ томъ самомъ мартѣ 1834 года, въ теченіе котораго былъ запрещенъ „Московскій Телеграфъ“, а редакторъ его арестованъ.

Поводомъ къ запрещенію „Телеграфа,“ какъ извѣстно, послужила критика, написанная Ксенофонтомъ Алексѣвичемъ Полевымъ на только-что явившуюся въ то время патріотическую пьесу Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла“. Критика эта напечатана была въ отсутствіе Н. А. Полевого, который, въ концѣ февраля 1834 года, поѣхалъ изъ Москвы по дѣламъ въ Петербургъ, вовсе не предвидя грозившей ему опасности, тѣмъ болѣе, что онъ уже привыкъ довѣрять своему опытному помощнику дѣло изданія журнала, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда самъ не могъ руководить имъ; да ему и въ голову не приходила мысль о какой-нибудь крупной обмолвкѣ или неосторожности своего вѣрнаго помощника и друга. На дѣлѣ вышло однакоже иначе: критика на пьесу Кукольника, напечатанная въ „Телеграфѣ“, дала поводъ нѣкоторымъ давнимъ врагамъ этого журнала заговорить такъ громко и такъ прямо указать на него, какъ на органъ вредный и вольнодумный, что не только на этотъ органъ было немедленно наложено запрещеніе, но и самый редакторъ его, Николай Алексѣвичъ Полевой, потребованъ къ отвѣту.

Въ то время, какъ такая грозная туча собиралась надъ головою Николая Алексѣвича, онъ преспокойно доживалъ въ Петербургѣ послѣдніе дни своего кратковременнаго, дѣловаго пребыванія и писалъ оттуда въ Москву, къ женѣ своей, между прочимъ, слѣдующее (отъ 2 марта 1834 г.):

„....Я былъ бы неблагодаренъ, если бы не сказалъ спасибо Петербургу. Меня здѣсь удивительно ласкаютъ и принимаютъ, такъ что я неуспѣваю уже и отдавать визитовъ, и принужденъ отказываться отъ приглашеній на вечера и обѣды. Молодые литераторы здѣшніе

такъ были обрадованы мною, что уговариваютъ меня списать портретъ, для чего сложили подпискою деньги, чтобы послѣ того гравировать его. Но я отказался отъ этого; также отказался и отъ обѣда, который хотѣли мнѣ дать здѣшніе многіе купцы, собравшись вмѣстѣ.“

Среди всѣхъ этихъ радушныхъ встрѣчъ и овацій, какъ со стороны „молодыхъ литераторовъ“, которые видѣли въ Николаѣ Алексѣвичѣ своего достойнаго собрата, такъ и со стороны купечества, которое гордилось Николаемъ Алексѣвичемъ, какъ замѣчательнымъ представителемъ своего сословія, непромѣнявшимъ купеческаго званія ни на какіе чины и отличія въ то время, когда все къ нимъ стремилось — среди всего этого Николай Алексѣвичъ, судя по тому же письму отъ 2 марта 1834 г., скучалъ по семьѣ своей и съ нетерпѣніемъ ожидалъ только минуты свиданія своего съ женой и дѣтьми. Около 15 марта возвратился онъ наконецъ въ Москву; но не успѣлъ онъ еще и отдохнуть съ дороги, какъ уже, къ величайшему ужасу всѣхъ окружающихъ, Н. А. былъ внезапно схваченъ и съ жандармомъ, на перекладной тележкѣ, препровожденъ въ Петербургъ. Это произошло такъ быстро, что 29 числа того же марта Николай Алексѣвичъ уже писалъ къ женѣ своей первое письмо изъ-подъ ареста, стараясь успокоить ее и насчетъ своего путешествія въ Петербургъ, и насчетъ своего нравственнаго состоянія. Приводимъ здѣсь это письмо отъ слова до слова:

„Едва пріѣхалъ я, какъ спѣшу успокоить тебя, милый другъ Наташа*), что я добрался до Петербурга, хоть съ отколоченными ребрами отъ почтовыхъ тележекъ и отъ прегадкой дороги, но здоровъ совершенно и спокоенъ, какъ будто эти строчки пишу въ своемъ кабинетѣ, и хочу для шутки переслать тебѣ съ Сергѣемъ**).

„Прошу тебя, милый другъ, заплатить мнѣ такимъ же спокойствіемъ души за исполненіе просьбы: беречь себя. Не воображай себѣ, ни дороги моей какимъ-нибудь волоченьемъ негодяя подъ стражею, ни теперешняго моего пребыванія чѣмъ-нибудь въ родѣ романтической тюрьмы: мой голубой проводникъ***) былъ добрый хохоль и усердно служивалъ мнѣ. Сидѣли мы, правда, рядомъ; за рабочіе инвалиды по московскому шоссе снимали передъ нашею тѣлѣжкою шапки, что меня забавляло чрезвычайно.

*) Наталья Францовна Полевая, супруга Николая Алексѣвича, рожденная Терренбергъ жива и до сихъ поръ; ей тогда было всего 26 лѣтъ отъ роду.

**) Сергѣй Николаевичъ Полевой—третій сынъ Николая Алексѣвича. Въ настоящее время полковникъ гвардіи; тогда ему было не болѣе трехъ лѣтъ отъ роду.

***) Т.-е. жандармъ, сопровождавшій Николая Алексѣвича.

„Теперь я пока живу въ свѣтлой, не очень красивой, но комнатѣ, и мнѣ дали бумаги и перьевъ—буду оканчивать Аббаддонну, или напишу, можетъ быть, препоучительную книгу нравственныхъ размышленій о суетѣ міра, etc. etc. Брату *) отдѣльно не пишу; покажи ему это письмо, почему я и прибавляю въ немъ, что гдѣ бы я ни былъ, и что бы я ни былъ—въ душѣ моей вѣчно будетъ онъ мнѣ единственный другъ. О дѣлѣ я ничего еще не могу сказать, ибо графъ А. Х. **) только сказалъ мнѣ, чтобы я отдыхалъ съ дороги. Крѣпкій вѣрою, крѣпкій своею правотою и совѣстью, я не боюсь ничего, и даже въ эту минуту не промѣняюсь со многими, которые сегодня спокойно встали съ постели и поскачутъ по Петербургу въ богатыхъ экипажахъ. Мое благословеніе всѣмъ дѣвятишкамъ***);... всѣмъ, кого не испугало и не отогнало отъ тебя и брата нечаянное мое путешествіе—поклонъ. Твой всегда Николай“.

29 марта 1834 г. С.-Петербургъ.

Нельзя не подивиться тому спокойствію и твердости, съ какими писано это письмо человѣкомъ, такъ внезапно отторгнутымъ судьбою отъ жены и семьи, отъ любимой дѣятельности, отъ всего, съ чѣмъ такъ тѣсно связано было его благосостояніе и вся будущность его дѣтей. Полагаю, что очень немногіе изъ всѣхъ подвергавшихся такимъ же несчастнымъ случайностямъ, умѣли встрѣтить ихъ, подобно Николаю Алексѣвичу, съ непоколебимою вѣрою въ свою правоту и совершенную чистоту своей совѣсти.

Сообщ. П. Н. Полевоѣ.

Ф. Ф. Вигель.

1. Письмо Вигеля къ митрополиту Серафиму о статьѣ Чадаева и журналѣ „Телескопъ“ 21-го октября 1836 года. Высокпреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь! Прозивъ болѣе полувѣка, я никогда ничѣмъ не былъ обвинителемъ. Но вчера чтеніе одного московскаго журнала возбудило во мнѣ негодованіе, которое, постепенно умножаясь, довело меня до отчаянія. Въ семъ положеніи не нахожу другого средства къ успокоенію сво-

*) Т.-е. Ксенофонту Алексѣвичу Полевому. Замѣчаемъ это потому, что кромѣ Ксенофонта, у Н. А. было еще двое братьевъ—Евсей и Петръ; но тѣ ужъ не имѣли рѣшительно никакого отношенія къ его литературной дѣятельности. Ксенофонтъ Алексѣвичъ умеръ 7 апрѣля 1867 г.

**) Графъ Бенкендорфъ.

***) Точки эти стоятъ на мѣстѣ пропущенныхъ нами шутивыхъ подробностей о дѣтяхъ и другихъ домашнихъ; подробности эти въ письмѣ занимаютъ цѣлыхъ девять строкъ. Кстати не мѣшаетъ замѣтить, что дѣтей уже и тогда было у Николая Алексѣвича семь человѣкъ. Прям. П. Н. Полевого.

ему, какъ прибѣгнуть къ вашему высокопреосвященству съ просьбою, обратить пастырское вниманіе ваше на то, что меня такъ сильно встревожило. Иные скажутъ, можетъ быть, что я не въ правѣ сего дѣлать, но какъ вѣрный сынъ отечества и православной церкви, я считаю сіе обязанностію.

Самая первая статья представляемаго у сего журнала, подъ названіемъ „Телескопъ“, содержитъ въ себѣ такія изреченія, которыя одно только безумство себѣ позволить можетъ. Читая оныя, я съ начала не довѣрялъ своимъ глазамъ. Многочисленнѣйшій народъ въ мірѣ, въ теченіи вѣковъ существовавшій, препрославленный, къ коему, по увѣренію автора статьи, онъ самъ принадлежитъ, поруганъ имъ, униженъ до невѣроятности. Если вашему высокопреосвященству угодно будетъ прочесть хотя половину сей богомерзкой статьи, то усмотрѣть изволите, что нѣтъ строки, которая бы не была ужаснѣйшею клеветою на Россію, нѣтъ слова, кое бы не было жесточайшимъ оскорбленіемъ нашей народной чести.

Меня утѣшала еще мысль, что сіе, такъ-называемое философическое письмо, писанное по-французски, вѣроятно составлено какимъ-нибудь иновѣрцемъ, иностранцемъ, который назвался русскимъ, чтобы удобнѣе насъ поносить. Увы! къ глубочайшему прискорбію узналъ я, что сей извергъ, неистощимый хулятель нашъ, родился въ Россіи отъ православныхъ родителей, и что имя его (впрочемъ мало доселѣ извѣстное) есть Чаадаевъ. Среди ужасовъ французской революціи, когда попираемо было величіе Бога и царей, подобнаго не было видано. Никогда, нигдѣ, ни въ какой странѣ, никто толикой дерзости себѣ не позволилъ.

Но безумной злобѣ сего несчастнаго противъ Россіи есть тайная причина, коей впрочемъ онъ скрывать не старается: отступничество отъ вѣры отцевъ своихъ и переходъ въ латинское исповѣданіе. Вотъ новое доказательство того, что неоднократно позволялъ я себѣ говорить и писать: безопасность, цѣлость, благосостояніе и величіе Россіи неразрывно связаны съ Восточною вѣрою, болѣе осьми вѣковъ ею исповѣдуемою. Сею вѣрою просвѣтилась она во дни своего младенчества, ею была защищена и утѣшаема во дни униженія и страданій, ею спасена отъ татарскаго варварства и съ нею виѣсть возстала во дни торжества надъ безчисленными врагами, ее окружающими. Стоить только принять ее, чтобы содѣлаться совершенно русскимъ, стоять только покинуть ее, чтобы почувствовать не только охлажденіе, омерзѣніе къ Россіи, но даже остервенѣніе противъ нея, подобно сему злощастному, слѣпотствующему, неистовому ея гонителю. Разъединенію съ западною церковью приписываетъ онъ совер-

шенный недостатокъ нашъ въ умственныхъ способностяхъ, въ понятіяхъ о чести, о добродѣтели; отказываетъ намъ во всемъ, ставитъ насъ ниже дикарей Америки, говоритъ, что мы никогда не были христианами и, въ изступленіи своемъ, наконецъ нападаетъ даже на самую нашу наружность, въ коей видитъ безцвѣтность и нѣмоту.

И всѣ сія хулы на отечество и вѣру изрыгаются явно, и гдѣ же? въ Москвѣ, въ первопрестольномъ градѣ нашемъ, въ древней столицѣ православныхъ государей совершается сіе преступленіе! И есть издатель, который не довольствуется помѣстить статью сію въ журналъ, но превозноситъ ее похвалами, какъ глубокомысленнѣйшее произведеніе высокаго ума, и онъ грозитъ еще другими подобными письмами! и есть цензура, которая все это пропускаетъ! Кто знаетъ, будутъ ли люди, которые съ участіемъ и одобреніемъ будутъ читать оное. О Боже! до чего мы дожили!

Сама святая и соборная апостольская церковь воиетъ къ вамъ о защитѣ: при ея священномъ гласѣ моленія мои ничто. Вамъ, вамъ предстоитъ обязанность объяснить правительству пагубныя послѣдствія, которыя пронстекуть отъ дальнѣйшей снисходительности и указать на средства къ обузданію толикихъ дерзостей.

Можетъ быть кто-нибудь и предупредить меня: дай Всевышній, чтобы прежде моего тысячи голосовъ воззвали къ вашему высокопреосвященству о скорой помощи.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ честь имѣю быть, милостивѣйшій архипастырь, вашего высокопреосвященства, всепокорнѣйшій слуга

Филиппъ Вигель.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ, управляющій департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Его высокопреосвященству Серафиму, митрополиту новгородскому и санкт-петербургскому.

Сообщ. о М. Я. Морозовѣ.

Примѣчаніе. Напечатанный нами документъ принадлежитъ перу того самаго Филиппа Филипповича Вигеля (род. 1786, ум. 1856 г.), съ объемистыми и своеобразными воспоминаніями котораго наше общество еще такъ недавно (1864 г.) познакомилось. Нельзя не пожалѣть, что воспоминанія Вигеля доведены лишь до 1830 года, а то интересно было бы знать, какъ разсказалъ бы составитель ихъ о возбужденномъ имъ дѣлѣ по поводу статьи Чаадаева. Во всякомъ случаѣ приведенный нами документъ чрезвычайно ярко обрисовываетъ нравственную личность Вигеля. Что касается до статьи, вызвавшей его посланіе къ митрополиту Серафиму, то о ней было нѣсколько разъ говорено въ нашей печати за послѣдніе годы, а именно въ замѣткахъ и въ статьяхъ нашихъ библиографовъ. Статья Чаадаева носитъ заглавіе: «Философическія письма къ г-жѣ ***. Письмо первое», и помѣщена въ

XXXIV части журпула «Телескопъ», на стр. 275 по 310. Статья напечатана безъ подписи, съ помѣтой въ концѣ «Некрополисъ 1829 г. декабря 1-го». Переводъ письма сдѣланъ Кетчеромъ. Цензоромъ этой части журнала былъ А. Болдыревъ. Извѣстно, что именно XXXIV-мъ томомъ окончилось существованіе журнала «Телескопъ», издававшася однимъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ писателей и ученыхъ, Н. И. Надеждинымъ; нынѣ томъ этотъ составляетъ величайшую рѣдкость. Тѣмъ не менѣе рѣдкость эта имѣется въ библіотекѣ нашего почтеннаго библіографа, П. А. Ефремова и притомъ тѣмъ болѣе драгоценна, что, какъ видно изъ надписи на ней, книга принадлежала В. Г. Бѣлинскому. Любопытно взглянуть на перечень статей этого именно тома «Телескопа». Вотъ его оглавленіе:

«Современныя лѣтописи: Сцены и портреты изъ современной испанской исторіи; Картины нравовъ; Жизнь нѣмецкаго студента; Русскій въ Парижѣ. Изъ путевыхъ записокъ В. Б.; Мнѣніе иностранца объ русскомъ правленіи (Раумера); Университетъ на бумагѣ, безъ чтеній, безъ классовъ, безъ студентовъ; Отрывки изъ путешествія по Италіи (Эдгара Кине); Обзорніе нѣмецкой литературы въ первую половину текущаго (1836) года. *Изысканная словесность:* Раскаленіе поэта. Фантазія (С); Сплавщикъ по Курф. Отрывокъ изъ романа (Кам.); Тайна безсмертія. Повѣсть (Мери); Дочь кушца. Изъ новыхъ «Записокъ Медика»; Красная роза. Бѣль (А. Дюма). *Науки и искусство:* Общій очеркъ природы по теоріи проф. Павлова (— я — на); Психологическія наблюденія надъ Сіамскими близнецами (А. Ж. Вирея); Историческіе очерки. I. Августъ-Цезарь (Шампаньи); Философическія письма къ г-жѣ ***. Письмо I-е; Абельярдъ и Элоиза. Изъ «Исторіи литературы среднихъ вѣковъ» (Шарпантье); О средствахъ усовершенствованія сельскаго хозяйства. Лекція проф. Павлова. *Критика:* Русская грамматика Александра Востокова (А. Галахова). *Приложенныя:* Портретъ Христіны, королевы-правительницы Испаніи и снимокъ почерка Виктора Гюго». Ред.

2. Письмо митрополита Серафима къ графу Бенкендорфу о статьѣ Чаадаева, напечатанной въ журналѣ „Телескопъ“. Ваше сіятельство, милостивый государь! Въ январѣ мѣсяцѣ 1835 года, ваше сіятельство объявили мнѣ лично высочайшую его императорскаго величества волю, чтобъ въ такихъ случаяхъ, когда въ издаваемыхъ для всеобщаго употребленія сочиненіяхъ усматриваемы будутъ противныя вѣрѣ, нравственности и обществу устройству сужденія либо неблагонамѣренности, сообщать я замѣчанія свои на то вашему сіятельству для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія.

Обращая на таковой предметъ вниманіе свое, усмотрѣлъ я, что въ пятнадцатой книжкѣ періодическаго изданія подъ названіемъ „Телескопъ“, вышедшей въ Москвѣ изъ печати въ сентябрѣ сего 1836 года, помѣщены двѣ такія статьи, въ коихъ все, что для насъ Россіяны есть священнаго, поругано, уничижено, оклеветано съ невѣроятною продерзостію, и съ жестокимъ оскорбленіемъ какъ для народнои чести нашей, такъ для правительства и даже для исповѣдуемой нами православной вѣры. Первая изъ таковыхъ статей есть

Философическое письмо, сочиненное, какъ сказано въ примѣчаніи издателя, однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ на французскомъ языкѣ, и предлагаемое въ русскомъ переводѣ съ обѣщаніемъ и дальнѣйшаго продолженія. Сужденія о Россіи, помѣщенные въ сей негодной статьѣ, столько оскорбительны для чувства, столько ложны, безразсудны и преступны сами по себѣ, что я не могу принудить себя даже къ тому, чтобъ хотя одно изъ нихъ выписать здѣсь для примѣра. Они въ особенности заключаются на страницахъ 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 299.

Всего удивительнѣе, что издатель „Телескопа“, отважившійся напечатать во всеобщее извѣстіе столь негодную, безразсудную и наполненную самою наглою ложью статью, почитаетъ оную, какъ значитъ изъ собственнаго его на первомъ листѣ примѣчанія, украшеніемъ своего журнала, находитъ въ ней возвышенность предмета вмѣстѣ съ глубиною и обширностію взглядовъ и поставяетъ на особенное вниманіе читателей.

Въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ „Мнѣніе иностранца о русскомъ правленіи“, на страницѣ 386 сказано: „у нихъ русскій, есть (что требуется въ политикѣ точно также какъ и въ математикѣ) свой центръ, и этотъ центръ ихъ императоръ! Учрежденіе совѣщательнаго сейма, составленіе общаго законоположенія, одной церкви для всей россійской имперіи и для всѣхъ ея народовъ, все это—и подобное тому, безумно и невозможно“.

Не могли представить себѣ, какъ возможно русскому издателю журнала дойти до такой дерзости, чтобъ распространять между соотечественниками столь преступныя хулы на отечество, вѣру и правительство свое, я долгомъ поставлю прешпроводить при семъ къ вашему сіятельству въ подлинникѣ вышеозначенную пятнадцатую книжку „Телескопа“ и прошу покорнѣйше всѣ замѣченныя въ ней мѣста довести до высочайшаго государя императора свѣдѣнія. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя....

Подлинное отправлено за подписаніемъ его высокопреосвященства.

№ 343. Октября 28 дня, 1836.

Его сіятельству г. генералъ-адъютанту и кавалеру графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу.

Сообщ. о. М. Я. Морозкина.